

УДК 004.827+316.3

МЕТОДОЛОГИЯ СЛОЖНОСТИ

Тимошук Алексей Станиславович,

д-р филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин,

e-mail: human@yui.vladinfo.ru,

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир

Многие мыслители пытались доказать, что мы живём в простом мире, а человек его усложняет, однако это не так. Мир сложен независимо от нас. Во-первых, в мире много всего, во-вторых, он постоянно меняется и, в третьих, он неоднороден. Множественность, изменчивость и гетерогенность – уже достаточные признаки для того, чтобы признать сложность мира. Микро-, макро- и мегауровни сложны от самого Большого взрыва. Если же брать социальную реальность, то здесь мы наблюдаем ещё и усложнение, связанное с ростом численности homo sapiens на Земле. По мере роста демографических показателей увеличивается уровень конкуренции, устойчивые объекты становятся гибридами, истина – постправдой, а состояние общества – хаосмосом. Цель работы: представить методологию сложности в новом технологическом укладе. Применяемые методы исследования: структурный анализ, системный анализ, факторный анализ, синергетика. В результате проведенных исследований получены следующие результаты: 1) рассмотрена скорость как фактор усложнения; 2) рассмотрены когнитивные условия комплексности; 3) концептуализированы адаптивные возможности общества к сложности как к новой нормальности, представляющей конвергенцию современных социальных процессов при сохранении идентичностей и границ интерпретации.

Ключевые слова: цифровое общество, информационное общество, постиндустриальное общество, гибридизация, новая нормальность, VUCA-мир

COMPLEXITY METHODOLOGY

Timoshchuk A.S.,

doctor of philosophy sciences, professor of the department of social and humanitarian disciplines,

e-mail: human@yui.vladinfo.ru,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir

Many thinkers have tried to prove that we live in a simple world, yet man complicates it, but this is not the case. The world is complex independently of us. Firstly, there is a plethora of objects in the world, secondly, it is constantly changing and, thirdly, it is heterogeneous. Plurality, versatility and heterogeneity are already sufficient qualities to recognize the complexity of the world. Micro, macro and mega levels are challenging from the Big Bang itself. If we take social reality, then here we also observe a complication associated with the increase in the number of homo sapiens on Earth. As demographic indicators grow, the level of competition increases, sustainable objects become hybrids, verity becomes post-truth, and the state of society becomes chaosmos. Purpose of the work: to present a methodology of complexity in a new technological order. Applied research methods: structural analysis, system analysis, factor analysis, synergetics. As a result of the conducted research, the following Results were obtained: 1) speed is considered as a factor of complexity; 2) the cognitive conditions of complexity are considered; 3) the adaptive capabilities of society to complexity are conceptualized as a new normality, representing the convergence of modern social processes while preserving identities and boundaries of interpretation.

Keywords: digital society, information society, post-post-industrial society, hybridization, new normality, VUCA-world

DOI 10.21777/2500-2112-2021-1-85-91

Введение

В условиях усложнения социотехнической реальности получила развитие разработка методологии взаимодействия с комплексной средой. С.И. Кретов, А.А. Кулинич предлагают когнитивное решение в виде моделирования, кибернетики, использования возможности искусственного интеллекта для просчёта топологии сложности [1; 2]. Доктор философии М.К. Ниязимбетов связывает сложность с открывшейся возможностью многоуровневого амбивалентного рассмотрения объекта, в противовес фрагментарному подходу [4]. Методолог П.В. Ополев указывает на возможности и ограничения синергетики как науки о хаосе в концептуализации сложности, справедливо посвящая одну из глав монографии медиа как фактору социокультурного усложнения в конфликтном поле современной культуры [5].

Гражданское общество, информационное общество, общество потребления – все эти социальные концепции и идеалы неожиданно взаимодействуют друг с другом, иногда образуя антиномичные химеры. Противоречия глобализации и регионализации, массовизации и элитизации, роста потребностей и техно-экологических пределов развития вполне укладываются в концепцию «новой нормальности», дающей нам когнитивный контекст происходящего. До новой нормальности получил распространение политический акроним VUCA, описывающий среду как нестационарную (*volatile*), нечёткую (*uncertain*), сложную (*complex*) и неоднозначную (*ambiguous*). Когда мы имеем дело с процессами, которые не поддаются достоверному и однозначному описанию и прогнозу, мы имеем дело с VUCA-фактором.

Когнитивный контекст современности

Попытки описания сложности мира предпринимались не только в политологии. Термодинамика предложила терминировать нестационарность в категориях синергии открытой и закрытой системы. Неклассическая физика расширила познавательные горизонты сложности через концепты относительности пространства и времени, многомерности реальности, тёмной материи и квантовых эффектов. Французский постструктурализм описывает сложность как ризому, хаосмос, номадизм, разрыв, мета-язык, деконструкцию, складку, лабиринт, игру, контекст, проективность, интертекст, симулякр, бриколаж, шизоанализ.

Значительная роль в формировании социокультурных условий новой нормальности принадлежит коммуникативной рациональности, формируемой через неинституциональные формы: социальные сети, сетевые сообщества, стриминг, комментирование на форумах, любительскую журналистику, вирусную рекламу, визуальную сетевую культуру. Медиатизация международных отношений также опосредована вбросами, распространением слухов, негатива, фейков. Постправда – могущественный фактор в коммуникационном менеджменте политическими процессами, означающая отход даже от двойных стандартов.

Глобальная международная политика обусловлена рапидакторами (дромологической оснасткой) современности, ускоряющими процессы, позволяющим нам только парить над повседневностью и быстро принимать реактивные решения в быстро меняющейся среде. Техносфера и ноосфера бросают вызов экосфере, материнской среде обитания человека, а темпы изменений мира преодолели антропологический барьер.

Когнитивные процессы также определяются в цифровую эпоху рапидакторами. Логика скорости определяет процессуальность мира, его супер-онтичность. Мы как бозон Хиггса существуем в пикосекундных эстафетах и зазорах, а время остаётся супер-аттрактором сущего. Августин и Эйнштейн запретили время «до», но это как бороться с отрицательными числами. Время «до» остаётся временем и претендует на роль великого аттрактора Вселенных. В индийской философии, которая является одной из самых грандиозных донаучных космологических систем, время – это класс предметностей, где существует транзитивное время (юга, чатур юга, маха юга, кальпа, маха кальпа) и вечное время (маха кала).

Существование в процессах означает, что мы не успеваем за скоростью изменений и генерируем формы успевания: синхронизация, социодинамика, *time management*, «время – деньги», *speed-dating*, «обслуживание под ключ», срочные похороны. Скорость социальных процессов не позволяет осмыслить происходящее, что рождает особый тип мышления культуры скоростного восприятия – аналого-

зирующе-образное, клиповое, мозаичное. Инстаграмизация, медиатизация и визуализация – ведущие тренды цивилизации образа, характеризуемой как паноптикум цифрового вуайеризма и эксгибиционизма, царство видимости, обозримости и прозрачности. Культура образа соревнуется с культурой текстов; «быстрее и быстрее» вытесняет анахронизм *long read*.

Классические представления об истине предполагали её устойчивость, эмпирическую проверяемость, общезначимость. Неклассика оставляет нам вместо истины след, игру, дискурс, мнение, пост-правду, фейковые утверждения и т.п. Вместе с тем, жизненный мир сообществ опирается на ключевые элементы дискурса, которые не подвергаются сомнению в группе.

Место классического понятия «факт» заняла «дискурсема», концепт мира медийной реальности [11]. Нельзя сказать, что современное человечество не нуждается в классическом понятии истины, что остались одни дискурсема, знаки присутствия правды. Это не так. Самолёты летают, олимпийские рекорды устанавливаются и торговые операции совершаются. Современная жизнь, напротив, очень требовательна к результативной, эффективной, проверяемой деятельности.

Однако торговля полуправдой приобрела глобальный и массовый характер, что позволяет сравнивать медийный мир с коммерческими переговорами, где гешефтмахер, улыбаясь, говорит о третьесортном товаре «Это лучший бренд специально для Вас». Медиатизированная реальность предлагает огромную вариативность конструирования, деконструкции и интерпретации. При этом сама характеристика опосредованности техникой и технологиями создаёт эффект надёжности, достоверности дискурса [13].

Разработка аппаратных средств и программного обеспечения способствовала созданию особой социотехнической среды. Электронная почта, чаты, форумы, онлайн-обучение, вебинары, виртуальные сообщества, – все эти инструменты революционизировали коммуникативную рациональность, усилили власть слова, содействовали вступлению человечества в ноосферный этап развития. Коммуникативная рациональность предстаёт ключевым элементом снятия радикальных форм культурного конфликта, основой интеграции, выработки взаимопонимания. Новые коммуникационные и информационные системы, функционирующие через IP-адреса, образуют сетевое человечество, децентрированный коллективный субъект.

Этико-политическая перспектива мультикультурализма конкурирует с рефлексивными культурными традициями, улучшающими своё понимание реальности за счёт образования, науки, коммуникации. Речь идёт о либеральных течениях в христианстве, иудаизме, исламе, буддизме, индуизме, которые расширяют свой горизонт интерпретации, но сохраняют солидарность и интересубъективность. Новая нормальность – это конвергенция религии и науки, права и морали, Востока и Запада, Севера и Юга при сохранении идентичностей и границ интерпретации. Культурные перспективы радикальных альтернативных концепций в виде неопундаментализма, неонацизма, левого движения и эофашизма не имеют широкой поддержки и не могут выступить формой устойчивости. Их культурные сценарии контаминированы насилием и разрывом внутренне согласованного мира. Рациональная коммуникативная практика сталкивается с контингентными культурными формами конкуренции и борьбы: гибридная война, вирусные новости, *spin doctoring*, мемы, фотожабы, троллинг, флеймы, флудинг, вбросы и т.п.

Гибкость, подвижность взаимодействия отражается в социальной реальности. В 2021 году акционеры вернули дореволюционное название «Императорский Тульский оружейный завод» награждённому орденом Ленина и орденом Трудового Красного знамени предприятию. Та же тенденция, что и в Англии, примирять эпохи. Памятник Кромвелю и его жертве, королю Карлу I, находится практически на одной площади в Лондоне. Памятники Ивану Грозному установлены в Орле и Александрове, а его жертве, Филиппу Колычеву – в Москве. Монумены покорителю Кавказа генералу Алексею Ермолову установлены в Орле, Пятигорске, Ставрополе, Минводах, а мемориал лидеру сопротивления народов Кавказа, имаму Шамилю, установлен в Махачкале.

Тенденция соединения разнородных систем называется гибридной в политике и химеричностью в биологии (животные-растения, растения-животные, мышцы-халки и т.п.). Названные гибридные формы – это более или менее гармоничные «скрепы», необходимый «социальный клей». Существуют ещё социальные химеры – православие и коммунизм, радикализм и ЗОЖ, «добрая машина пропаганды», «либерализм или смерть» [2].

Динамичное усложнение реальности также выступает составляющей новой нормальности. Перенос термодинамическую концепцию энергии на социальные процессы, мы получаем описание сложных процессов в синергетических категориях хаос, автопоэзис, самоорганизация, порядок, энтропия, неравновесная динамика, индетерминизм, открытость системы, флуктуация, бифуркация, полифуркация, аттракторы. Нелинейная клиодинамика играет решающую роль в возникновении и развитии новой нормальности. Вдобавок квантовая физика добавила метафизический аспект в наше представление о Вселенной. Если классическая философия последовательно изгоняла метафизику с помощью позитивизма и аналитической философии, современная физика через энергию и информацию активно продвигает метафизическое понимание новой нормальности. Квантовая нелокальность, сознание как квантовый компьютер, голографическая топология Вселенной – все эти идеи составляют новую концептуальную структуру новой нормальности как постматериальности.

Ещё одним фактором новой нормальности стала скорость, власть ускорителей-рапидаторов (А.Н. Павленко): транзисторов, процессоров, транспорта, стандартов передачи информации, скорости обслуживания клиента [10]. Политэкономия скорости выражена философией капиталократических акселераторов, преодолевающих барьеры времени и пространства, уничтожающих все преграды для профицита капитала.

Тренд пластичности и гибридности определяет все социальные неготиации и грядущие изменения социетальных форм. Деонтологизация, процессуальность, контингентность – это внутренняя структура функционирования цивилизации. Неоднородность и скорость социокультурных трансформаций ставят перед нами цель определить когнитивные условия новой нормальности в терминах дополнительности, гибридности, конвергенции и устойчивого развития.

Говоря о международных отношениях, мы не можем игнорировать социокультурную реальность в целом и модификацию научных описаний. Сам концепт «новой нормальности» указывает на когнитивный сдвиг, переход от одного массива дескрипций к иному, совершенно различному. Такими новыми описаниями занимается философия науки, обобщающая частные дисциплинарные исследования и вырабатывающая новый дескриптивный язык для усложняющегося социокультурного мира.

Проблема новой нормальности уже давно занимает философию науки и описывается в терминах научного реализма, направления, которое стремится разрешить антиномии несоизмеримости старых и новых систем. Каждый новый крупный учёный в фундаментальных науках претендует на создание полной теории действительности, которые претендуют на признание и доминирование как истинная форма отражения реальности. Конфликты между системами Коперника и Птолемея, Галилея и Аристотеля, Эйнштейна и Ньютона – всё это великие сражения за истинное понимание реальности, за то, что считать нормальной наукой.

Томас Кун, Хилари Патнэм, Бас ван Фраассен, Нэнси Картрайт, Ян Хакинг опираются на историческую перспективу разрешения конфликта, рассматривая фундаментальные преобразования как сменяющиеся формы всё более детализированного реализма. Прогресс технологий не аннигилирует идеи, но способствует увеличению количества описаний. Несомненно, отдельные концепты, такие как «материя», «атом», «электрон» получают другое наполнение, однако образуется разрыв в понимании этих категорий на разном этапе. Рост количество референций денотата и наращивание коннотаций продолжают существовать внутри той же схемы понимание – описание – интерпретация – объяснение.

Сфера международных отношений образуется вокруг тех же принципиальных координат, таких как суверенитет, национальный интерес, безопасность. К числу новелл можно, разве что, отнести парадигму устойчивого развития, которая концептуализировала на новом этапе идеи о вечном мире.

Идея «новой нормальности» представляет альтернативный вариант сохранения традиции в открытом обществе, находящемся в неопределённости, нуждающемся в примирении с общественным сознанием. «Новая нормальность» снимает неопределённость устойчивого развития доминантой текущего благополучия. Поэтому эту функцию адаптации к меняющимся условиям следует признать разновидностью гомеостаза *homo sapience*. Цикл «нормальность – кризис – революция – нестабильность – новая нормальность» сопровождает человечество с незапамятных времён, но он был отрефлексирован в философии науки, т.к. наука является одним из самых быстро развивающихся институтов [12, с. 16].

Благодаря адаптации к меняющимся условиям мы стремимся вписать новые, не всегда благоприятные условия, в нашу стандартную картину мира, которую приходится ремонтировать, чтобы она приняла новые несоизмеримости. В результате наука стала комплементарной, дополняющей. Классический идеал естествознания дополнила неклассическая картина мира, учитывающая расширяющуюся парадигму сознания, квантовой физики, когнитивности, вненаучного знания [7; 8]. Принцип дополнительности в социогуманитарном познании выполняет несколько важных функций: это не только коммуникация целостности, единства противоположностей, но и согласование и медиация разнородных контекстов новой нормальности.

Информатизация и общество знаний, казалось бы, должны способствовать росту научных знаний, увеличению осознанности, профессионализма и, наоборот, ослаблению безграмотности, непрофессионализма, бескультурья, некомпетентности, власти стереотипов. Прежде всего, сама установка на искоренение невежества является утопией. Мифотворчество всегда будет сопровождать человека, т.к. существует глубинная потребность в личностных успокаивающих легендах [9]. Важным источником искажения реальности выступают технологии манипуляции общественным сознанием, что распространено в управлении социальными процессами, медиаполитике и маркетинге. Ещё одним источником распространения иллюзий является само массовое общество, которое через социальные сети и видеохостинги медиатизирует свой непрофессионализм, любительские суждения, посредственность.

Устранение границ компетентности

Одна из интересных характеристик новой нормальности – трансформация эпистемических установок, конструирование адекватности и отчётливости отражения предмета в жизненном мире субъекта. Профессор психологии Дэвид Даннинг обратил внимание на такую особенность человеческого познания, как переоценка своей компетентности. Вместе с социальным психологом Джастином Крюгером американский когнитивист провёл ряд групповых исследований, результат которых свидетельствует об эпистемической дерзости тех, кто не обладает достаточной квалификацией и, напротив, эпистемической скромности знающих. Кривая самооценки на когнитивном графике, где вертикальная ось – это уверенность, а горизонтальная – опыт, состоит из пика глупости, долины отчаяния и склона просветления. То есть те, кто не знают, что они не знают (низкая компетенция), обладают высокой самооценкой. По мере того, как мы больше узнаём о своём незнании (средний уровень компетенции), наша уверенность снижается. И, постепенно, по мере роста знания (высокая компетенция), уверенность немного начинает расти. Специалисты посчитали, что некритическое отношение к собственным суждениям может иметь негативные социальные последствия для здоровья, образования и экономических обменов [13]. Действительно, учёные в разных областях (экономика, образование, психология, нейробиология) посчитали описанный эффект важным результатом: исследование вызвало резонанс, получило высокую цитируемость.

Особенно интересен вопрос, почему низкая квалификация становится основанием для самоуверенности. Этому могут быть даны не только психологические толкования особенности личности, но и когнитивные. Вначале нам не хватает не только фактических знаний в какой-то области, но и сопровождающих знаний: 1) оценочных знаний или знаний о знании других в этой области; 2) об иерархичности, комплексности, контекстуальности предмета. Только на относительно высоком уровне знаний можно начать понимать, сколько нужно знать и сколько знают настоящие эксперты. Когда нам не хватает знаний, то мы и не можем оценить свои собственные знания и знания других. Даже небольшое количество знаний может придать большую уверенность и показаться высоким уровнем по сравнению с предыдущим полным невежеством (эффект второкурника).

Эффект Даннинга – Крюгера – это проблема переоценки себя неопытными, “*unskilled and unaware*”. Казалось бы, по мере роста знаний человек должен переходить из состояния незнания о своём незнании к учёному незнанию. Вместе с тем, как ещё замечал Сократ, многие даже этого продолжают не знать. Не случайно К.Р. Поппер настаивал на принципе фальсификации для критерия научности. Очень часто наблюдается абсолютизация научного учения – механицизм Нового времени, логицизм

позитивизма, историцизм марксизма, натурализм естественных наук и экономический либерализм – всё это примеры переоцененных проектов в истории мировоззрения. Эти направления сохраняют свою научность до тех пор, пока допускают свою ограниченность и потенциальную опровержимость.

Междисциплинарность сегодня стирает границы между цехами. Её побочный эффект – это устранение границ компетентности. Математик учит религиоведов диамату, физик даёт рецепты в рыночной экономике. Границы компетенции сместились. Даже специалист может попасть в ловушку псевдознания. Вдобавок, просветительский проект энциклопедизма и интернет доступности всех знаний порождает эффект дилетантизма: «Я тут почитал в интернете, теперь я эксперт!». Одно дело гуманистический принцип марксизма вполне человека («всё знать, всё уметь»). Другое, когда в рыночной конкуренции создаётся впечатление, что за некоторую квалификацию не нужно платить, можно сэкономить. Ютуб расскажет, как строить дом, ремонтировать машину, менять конденсаторы на материнской плате и готовить чизкейк. К врачам приходят с готовым диагнозом и лечением, полученных на интернет-форумах! Дилетантизм в искусстве и науке, журналистике и программировании, строительстве и транспорте, индустрии развлечений и торговле. Действительно, нужна новая «Критика коллективного разума» и просьюмеризма [6]. Антипрививочники считают, что знают больше о вакцинации, чем врачи, таксисты разбираются в экономике региона лучше, чем губернаторы. В области государственной политики не высказывается только ленивый. Форумы – универсальная площадка для всех диванных генералов, политиков и экономистов.

Заключение

Развлекательная медиатизация контента влияет на способ подачи информации. Сегодня пандемию даже некоторые образованные люди склонны подавать очень пафосно: «мир никогда не будет другим», «мы прощаемся с классическим обществом», «оставьте в прошлом всё, что Вы так ценили». Вместе с тем, это был очень щадящий режим встречи с пятым царством и он прошёл со значительно меньшими потерями, если сравнивать с прошлыми чудовищно вирулентными эпидемиями чумы, оспы, брюшного тифа, холеры.

Эпоха III НТР является наиболее благоприятной с точки зрения максимального раскрытия доступных человечеству технологий. Мы накопили большое количество знаний и опыта в области сельского хозяйства, медицины, фармакологии, химии, физике, информатике и других областях. Вместе с тем, скорость и сложность общества стирают границы компетентности. С одной стороны, это бросает вызов экспертократии и воплощает мечту социалистов о вполне человеке, но, с другой стороны, вводят параметр рискогенности в социокультурное бытие.

Список литературы

1. *Кретов С.И.* Вопросы суверенности современной России с точки зрения методологии теории сложности // Проблема суверенности современной России: материалы Всероссийской научно-общественной конференции. – М: Центр научной политической мысли и идеологии, 2014. – С. 540–545.
2. *Кукарцева М.А., Сурма И.В.* Политические химеры и деформация современного социально-политического пространства // Политика и Общество. – 2017. – № 3. – С. 62–75.
3. *Кулинич А.А.* Методология когнитивного моделирования сложных плохо определенных ситуаций // Избранные труды II Международной конференции по проблемам управления. – М.: ИПУ РАН, 2003. – Т. 2. – С. 219–226.
4. *Ниязимбетов М.К.* Сложность и системное мышление // Социосфера. – 2019. – № 1. – С. 59–64.
5. *Ополев П.В.* Сложность и усложнение как социокультурный феномен. – М.: URSS, 2018. – 251 с.
6. *Рожкова А.С., Воронов Ю.М.* Любители и профессионалы: новый дилетантизм в обществе знаний // Интеллигенция и мир. – 2015. – № 3. – С. 113–130.
7. *Симанов А.Л.* Принцип дополнительности как фактор унификации физических теорий: дополнительность и соответствие // Философия науки. – 2017. – № 2 (73). – С. 66–86.
8. *Тимошук А.С.* Междисциплинарность и комплементарность познания // Единство в многообразии: наука и социальная практика в фокусе междисциплинарности: материалы Всероссийской научно-прак-

тической конференции с международным участием. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018. – С. 64–68.

9. Тимощук А.С. Нарративные пределы мифотворчества // Миф в истории, политике, культуре: материалы III Международной научной междисциплинарной конференции. – Севастополь: филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 274–277.

10. Тимощук А.С. Янусовидность стандартов в международной политике и праве как способ актуализации социальной динамики в условиях глобальной конкуренции // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности: материалы Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. – Владимир: ВлГУ, 2016. – С. 95–100.

11. Тимощук Е.А. Феноменология медиадискурса // Язык, право и общество в координатах массмедиа: материалы III Международной научной конференции. – М.: ИЗиСП, 2020. – С. 427–431.

12. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998. – 296 с.

13. Dunning D., Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – Vol. 77, no. 6. – P. 1121–1134.

References

1. Kretov S.I. Voprosy suverenosti sovremennoj Rossii s točki zreniya metodologii teorii slozhnosti // Problema suverenosti sovremennoj Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-obshchestvennoj konferencii. – М: Centr nauchnoj politicheskoj mysli i ideologii, 2014. – S. 540–545.

2. Kukarceva M.A., Surma I.V. Politicheskie himery i deformaciya sovremenno go social'no-politicheskogo prostranstva // Politika i Obshchestvo. – 2017. – № 3. – S. 62–75.

3. Kulnich A.A. Metodologiya kognitivnogo modelirovaniya slozhnyh ploho opredelennyh situacij // Izbrannye trudy II Mezhdunarodnoj konferencii po problemam upravleniya. – М.: IPU RAN, 2003. – Т. 2. – S. 219–226.

4. Niyazimbetov M.K. Slozhnost' i sistemnoe myshlenie // Sociosfera. – 2019. – № 1. – S. 59–64.

5. Opolev P.V. Slozhnost' i uslozhnenie kak sociokul'turnyj fenomen. – М.: URSS, 2018. – 251 s.

6. Rozhkova A.S., Voronov Yu.M. Lyubiteli i professionaly: novyj diletantizm v obshchestve znaniy // Intelligenciya i mir. – 2015. – № 3. – S. 113–130.

7. Simanov A.L. Princip dopolnitel'nosti kak faktor unifikacii fizicheskikh teorij: dopolnitel'nost' i sootvetstvie // Filosofiya nauki. – 2017. – № 2 (73). – С. 66–86.

8. Timoshchuk A.S. Mezhdisciplinarnost' i komplementarnost' poznaniya // Edinstvo v mnogoobrazii: nauka i social'naya praktika v fokuse mezhdisciplinarnosti: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018. – С. 64–68.

9. Timoshchuk A.S. Narrativnye predely mifotvorchestva // Mif v istorii, politike, kul'ture: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii. – Sevastopol': filial MGU im. M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2019. – S. 274–277.

10. Timoshchuk A.S. Yanusovidnost' standartov v mezhdunarodnoj politike i prave kak sposob aktualizacii social'noj dinamiki v usloviyah global'noj konkurencii // Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo prava i vneshneekonomicheskoy deyatelnosti: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej i studentov. – Vladimir: VIGU, 2016. – S. 95–100.

11. Timoshchuk E.A. Fenomenologiya mediadiskursa // Yazyk, pravo i obshchestvo v koordinatah massmedia: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – М.: ИЗиСП, 2020. – С. 427–431.

12. Hacking Ya. Predstavlenie i vmeshatel'stvo. Vvedenie v filosofiyu estestvennyh nauk. – М.: Logos, 1998. – 296 s.

13. Dunning D., Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – Vol. 77, no. 6. – P. 1121–1134.